

«ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА»
г. ГОРЬКИЙ

- 1 МАИ 1981

Н Е Т В А Ж Н Е Е Т Е М Ы

Интервью «ЛС»

ГОРЬКОВСКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ПРОЗАИК ВАСИЛИЙ ОСИПОВ ОТВЕЧАЕТ КОРРЕСПОНДЕНТУ «ЛЕНИНСКОЙ СМЕНЫ» А. ПАШКОВУ НА ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

— Мы знаем, какая высокая оценка была дана в Отчетном докладе XXVI съезду партии работе советских писателей. В выступлении Л. И. Брежнев говорил об «активном вмешательстве искусства в решение проблем, которыми живет наше общество», о «беспорных успехах творческих работников в создании ярких образов наших современников». И все-таки среди книг на рабочую, производственную тему пока не так уж и много произведений, над которыми, как говорится в Отчетном докладе съезду, «действительно не мешало бы «попотеть» Госплану». Почему?

— Да, в частности советская проза за последние десятилетия за последние десятилетия пятнадцать лет сделала шаг вперед, достигла многого, вышла на уровень требований читателей. Но опять же, когда приводят примеры, то называют таких писателей, как Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Василий Белов, Федор Абрамов и других, тех, кто по-настоящему занимается «человекоредением», глубоко и сильно музствует и видит сегодняшнего труженика. Их проза написана замечательным русским языком. Это, как говорят о рассказах Евгения Носова, высветленная проза, колоритная, богатая оттенками и красками. Среди лучших советских прозаиков называют обычно писателей «деревенщиков», а не «производственников» (вы понимаете, что «деревенщики» и «производственники» термины скорее обиходные). И не последняя причина успехов «деревенщиков» в традициях, которые, как в деле рабочего, так и в деле писате-

ля, великая сила. У «деревенщиков» традиции богаты: начиная от Пушкина до Толстого, от Толстого до Шолохова... А если говорить о производственной прозе, то она еще слишком молода, и о богатстве ее художественного опыта пока говорить трудно. Истоки ее лежат, пожалуй, всего лишь в конце прошлого, начале нынешнего века.

С другой стороны, как очевидно, заметили читатели, произведений на производственную тему становится все больше и больше, но наши представления о людях и проблемах производства, которые мы составляем по этим романам и повестям, обогащаются, к сожалению, не так быстро. Это происходит от того, что частенько литераторы копируют уже известные производственные конфликты, а также уже известные типажы, то есть они как бы «переселяются» из одного романа в другой, из одной повести в другую. Поэтому и не могут поразить, взволновать читателя.

— А можно ли сформулировать какие-то требования именно к сегодняшней производственной прозе? Конечно, в общем эти требования едины для всего советского искусства и литературы. Но что подсказывает вам ваш опыт: как до-

биться того, о чем тоже говорилось в Отчетном докладе съезду нашей партии, «чтобы актуальностью темы не прикрывались серые, убогие в художественном отношении вещи»!

— Собираясь писать о человеке труда, я в первую очередь боялся неправды. Да, о рабочем классе сейчас пишут много. Ведь только на Всесоюзный постоянно действующий конкурс поступает до 300 романов и повестей. Такой количественный рост отражает, конечно же, возросший общественный интерес к проблемам и достижениям современного производства, характеризует озабоченность самых широких социальных слоев вопросами экономики и управления. Но и здесь, как и во всяком деле, налицо «издержки производства». Представьте: молодой человек, в меру одаренный, окончил литературный институт и встал перед выбором: «О чем писать?» Жизненного опыта не так уж и много — ведь основная часть его жизни прошла в учебных заведениях. А тут модна рабочая тематика. Почему бы не попробовать? И вот приезжает молодой человек на завод, идет по цеху — цех выбирается пестрой — цех выбирает тему». Крутятся шпиндели, вращают-

ся маховые детали, вьется — она как цветы — голубая стружка — красиво! И писатель восхищается: «Ах! Как красиво! Как хорошо!» С этим восхищением и энтузиазмом пишется роман или повесть. Пишется легко, ибо автор помнит: коль скоро роман (повесть) производственный, то он и не претендует на то, чтобы отвечать высоким художественным требованиям. Дескать, самой проблемности и актуальности, наполненности гулом станков и скрежетом металла достаточно, чтобы признать роман произведением искусства.

А рабочий берет роман, начинает читать — и отбрасывает: «Врет он все!» Почему?

Давайте теперь представим рабочего, который каждый день подходит к этому станку, каждый день — не надо забывать, что в век НТР мы стремимся расчленив операции, чтобы повысить производительность труда — каждый день выполняет одну и ту же операцию — даже не деталь, а именно операцию. Вот он так же, как и писатель, восхищается кудрявой, как цветок, стружкой и гулом своего станка или, может быть, по-другому? Конечно же, по-другому. А вот как? Писатель — с насکوку — не мог понять — «как?», не нашлось у него психологической точки соприкосновения с рабочим. Они как бы в разных орбитах вращались.

Работая над своими повестями, я в первую очередь думал над тем, какую проблему я могу поставить и как разрешить ее в своем произведении. Ведь в наше время все

больше и больше усложняется не только сама техника, но и отношения людей, занятых этой техникой, и распознать, а точнее, определить, где конфликт действительный, а где мнимый, очень трудно. И порой литератор честно раздувает мнимый конфликт, подменяя им действительность и реальность жизни, а рабочий честно отбрасывает, не дочитав, книгу, потому что она не соответствует его представлению о жизни, которой он сам живет.

— Мы подошли к неизбежному сегодня вопросу. Вы автор трех книг, изданных в Горьком и Москве, нескольких повестей на рабочую тему. Как писались они, какова их предыстория?

— У меня почти не было никакого литературного опыта в написании крупного (для меня, конечно) произведения, хотя и был порядочный производственный опыт. Я достаточно долго работал слесарем, был инженером, старшим инженером, начальником технологического бюро.

В первой повести у меня была скромная цель. Тогда завод, на котором я работал, участвовал во Всесоюзном конкурсе на лучшую научную организацию труда и получил первую премию. Проработав столько лет на производстве, я был, разумеется, патриотом своего предприятия. Вот мне и захотелось в художественной форме рассказать о том, как коллектив одного из цехов шел по пути научной организации труда, с какими встречались трудностями, как переживал и преодолевал их. Так поя-

вилась повесть «Назначение». Повесть «Образца сорок первого» была когда-то мне рассказана одним молодым рабочим. Он просто и откровенно поведал о своей нелегкой судьбе. Впоследствии молодой рабочий стал инженером, начальником цеха. А мне, как автору, ничего не надо было придумывать — в этом рассказе как-то само собой отобразилась наша советская действительность.

Решение написать о вступлении в самостоятельную жизнь молодых людей — речь идет о повести «Найти себя» — у меня пришло не вдруг и не сразу. Когда-то, в пятидесятые годы, я так же, как и герои моей новой повести, начинал свою трудовую биографию в рабочем коллективе. В семидесятые годы, когда я уже был инженером, мне достаточно довелось понаблюдать или, как говорят, наглядеться на юношей и девушек, которые после десятого класса приходят в производственные подразделения и начинают свою новую жизнь, связанную с повседневным, далеко не всегда праздничным трудом, с повседневными заботами на производстве. Нельзя сказать, что повесть полностью автобиографична, но в ней много событий, так или иначе отражающих мои первые шаги на заводе и первые впечатления, которые я вынес из жизни в рабочем коллективе. И конечно же, главным образом мне хотелось раскрыть события, влияющие на нравственное становление молодых рабочих, на фермирование характера на внутреннее содержание че-

ловека, который почувствовал себя хозяином своей судьбы. С этой целью и отбирались, и фильтровались жизненные факты.

— Эти повести уже известны читателю, но, наверное, в вашем рабочем столе сейчас готовится новая книга?

— Сейчас много говорится и пишется о научно-технической революции. Эта сжатая, крылатая фраза вот уже на протяжении 25—30 лет является определяющим критерием и своеобразным символом нашего времени. Безусловно, сближение науки с производством дало блестящие результаты в развитии промышленного производства. Но вот вопрос: всегда ли соответствовали наши отношения, наши повседневные столкновения, поведение тому высокому уровню, которого мы достигли в науке и технике? Не принесли ли мы с собой из далекого прошлого часть отрицательных явлений в производственные отношения нашего времени, да вдобавок еще кое-какие и назвали с бурным развитием промышленного производства?

По роду работы мне пришлось много общаться с рабочими и руководителями многих производственных коллективов. И не раз возникала мысль: да, мало пережитого пролезло нашу жизнь из прошлого, и живучи они надиво — никак не вытразись.

Сейчас меня интересует тема служебной карьеры — карьеры в отрицательном смысле слова. Хочется проследить и проанализировать: когда руководитель хочет забраться еще выше по служебной лестнице и на это направляет всю свою деятельность, это неизбежно сказывается на коллективе. Протекая в ущерб интересам производства, служеб-

ные конфликты, искаленные человеческие судьбы — вот обратная сторона карьеризма.

Моя новая повесть так и называется — «Карьера».

— Как вам видится будущее производственной темы в нашей литературе, советской прозе?

— Коснемся недавней истории: речь пойдет о рабочем классе 60—70 годов. Здесь нельзя не вспомнить роман Галины Николаевой «Битва в пути» — прекрасная книга, многое нам рассказавшая о рабочем коллективе. Следом за этим романом можно назвать уже целый ряд романов, книг Владимира Полова, Григория Коновалова, Михаила Колесникова, Анатолия Иванова, Вадима Кожеватова, Олега Кузаева и других. Количественный рост произведений о рабочем классе, произведений хороших, добротных, разных, налицо. Но теперь, сегодня, мы особенно ждем роман о рабочем человеке такой широты, такой психологической глубины и философской обобщенности, которые были бы достойным отражением героического труда советского рабочего человека. С другой стороны, все, что связано с рабочим классом, сегодня необыкновенно важно. Имея в виду рабочий класс, Л. И. Брежнев сказал на съезде: «Его революционная идеология и мораль, коллективистская психология, его интересы и идеалы становятся ныне достоянием всех слоев советского общества». Все это еще раз подтверждает важность рабочей темы. Мне кажется, что большой, крупный, настоящий роман о рабочем классе еще впереди. Он будет обязательно сказываться на коллективе. Протекая в ущерб интересам производства, служеб-